

ПРАВОВЫЯ ИДЕИ

ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОЭТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ,
ВЪ ЧАСТНОСТИ У ШЕКСПИРА.

(Чтеніе М. А. Окса въ Одесскомъ Юридическомъ Обществѣ).

ОДЕССА.

Типографія П. Францова, Пушкинская ул., д. № 20.

1886.

ПРАВОВЫЯ ИДЕИ

въ художественно-поэтическихъ произведеніяхъ, въ частности у Шекспира.

*(Чтеніе въ годичномъ собраніи Одесскаго Юридическаго Общества
19-го Февраля 1886 г.).*

I.

Старый споръ о томъ — должны ли быть произведенія искусства тенденціозны или чужды всякой тенденціи, въ новой эстетической критикѣ сводятся къ вопросу, какимъ потребностямъ человѣческаго духа служатъ произведенія искусства?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: произведенія искусства удовлетворяютъ потребности наслажденія и познаванія; средствами искусства являются образъ и идея.

Ни въ одномъ изъ родовъ искусства нѣтъ такого взаимодѣйствія средствъ, служащихъ рѣшенію указанныхъ задачъ искусства, какъ въ поэтическомъ творествѣ. Поэтически-художественные образы, продуцируя непосредственное наслажденіе, служатъ матеріаломъ познаванія природы, человѣка, вещей и соотношеній; идея направляетъ творчество въ выборѣ образовъ, способныхъ служить ей выраженіемъ и въ тоже время доставляющихъ высшія

формы наслажденія, въ смыслѣ наслажденій, совершенствующихъ интеллектъ и чувство человѣка.

Подтвержденіемъ приведенной мысли служить то, что безъидейное художественно-поэтическое произведеніе, какъ бы оно ни было совершенно въ воспроизведеніи прекраснаго — никогда не можетъ быть крупнымъ по размѣрамъ: оно бы неизбежно утомило и навело тоску. Съ другой стороны блѣдное образами произведеніе идейное теряетъ значеніе поэтическаго произведенія и становится вяло дѣйствующимъ резонирующимъ трактатомъ.

Я не могу здѣсь входить въ подробности, чѣмъ обуславливаются, какъ психически создаются наслажденія, доставляемыя произведеніями искусства, но для моей темы важно выяснить, *какъ* искусство служить для идеи, и какая категорія идей имѣетъ право на вниманіе искусства.

Если сопоставить, на примѣръ, живопись и словесно-поэтическое творче-

ство, то для всякаго выяснится, что въ живописи больше мѣста безцѣльному воспроизведенію, чѣмъ въ поэзіи. Конечно, Верещагинскія картины войны, создающія извѣстное направленіе идей, неизмѣримо цѣннѣе для человечества батальной живописи Ораса Верне, лѣстѣйшей военной гордости француза; конечно, Рѣпинскій жанръ: Бурлаки и Крестный ходъ, воспроизводящіе такіа бытовія явленія, которыми силою самой жизни ставится и освѣщается тотъ или другой вопросъ общественности, конечно, такіа произведенія плодотворнѣе идиллій фламандской живописи съ ея художественно-воспроизведенными птицами, фруктами и сценами охоты, но и почти или вовсе неоживленные присутствіемъ человѣка и отношеніемъ къ нему пейзажи — Брюлова, Айвазовскаго, Куинджи, какой-нибудь лѣсъ Шишкина, несомнѣнно, представляютъ сокровища человѣческаго духа, выражаютъ высоко-культурные результаты и прогрессъ обставляемой ими человѣческой жизни, а засимъ лишены содержанія всякій споръ, относятся ли законно такіа произведенія къ области искусства. Тѣмъ болѣе все это можно сказать о такихъ картинахъ, въ которыхъ найдется удовлетвореніе тому или другому требованію, смотря потому, подъ какимъ угломъ зрѣнія станетъ или способенъ стать къ картинѣ зритель. Такова, напр., въ Луврской галлерей картина Мурильо, у которой собирается масса народа, «Нищій-Мальчикъ», занятый тѣмъ же дѣломъ, которое выполнилъ Гоголевскій будочникъ у фонаря въ то время, когда взбѣжала помѣщица Коробочка въ губернский городъ.

Въ поэзіи чистое воспроизведеніе, когда дѣло идетъ о серьезномъ созданіи — можетъ имѣть значеніе главнымъ образомъ аксессуара, обстановки человѣческаго дѣйствія, идея котораго болѣе или менѣе выясняется въ связи съ рисуемой обстановкой; далѣе воспроизведеніе можетъ быть въ высшей степени цѣнно, тогда художникъ, не выражая своего приговора надъ извѣстными явленіями жизни, самымъ актомъ воспроизведенія отмѣчаетъ ихъ, какъ существенныя въ интересахъ жизни, какъ требующія вдумыванья и провѣрки. Однако важнѣйшія задачи поэтическаго творчества, какъ искусства, несомнѣнно, заключаются въ *прямомъ уясненіи идей, правящихъ жизнью.*

Вотъ въ какомъ смыслѣ правъ Прудонъ, говоря, что художникъ призванъ способствовать созданію *соціальной міра* ¹⁾.

Мы считаемъ себя вправѣ дополнить эту мысль слѣдующими выдержками изъ книги объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности: «это (указанное) направленіе можетъ находить себѣ выраженіе во всѣхъ искусствахъ (наприм., въ живописи можно указать каррикатуры Гогарта); но преимущественно развивается оно въ поэзіи, которая представляетъ полнѣйшую возможность выразить опредѣленную мысль. Тогда художникъ становится *мыслителемъ* и произведеніе искусства приобретаетъ значеніе *научное* ²⁾.

Какъ выполняетъ такую задачу ис-

¹⁾ П. Ж. Прудонъ, Искусство, его основанія и общественное значеніе. Пер. Курочкина, Спб., 1865 г., стр. 52.

²⁾ Изд. 2-е, Спб., 1865 г., стр. 142.

куство? «Часто достаточно обратить вниманіе на предметъ (что всегда и дѣлаетъ искусство), чтобы объяснить его значеніе или заставить лучше понять жизнь. Искусство вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, нежели простой рассказъ, тѣмъ болѣе ученый рассказъ. Подъ формою жизни мы гораздо легче знакомимся съ предметомъ, гораздо скорѣе начинаемъ интересоваться имъ, нежели тогда, когда находимъ сухое указаніе на предметъ... Но если всѣ искусства могутъ указать новые интересные (для жизни) предметы, то поэзія всегда по необходимости указываетъ рѣзкимъ и существеннымъ образомъ на черты предмета» ³⁾).

Съ своей стороны Прудонъ въ духѣ своихъ идей говоритъ: характеръ искусства болѣе женственный, чѣмъ мужественный; назначеніе его—подчиненность и окончательное его развитіе должно установиться на основаніи *юридическаго* и *правственнаго* развитія человѣческаго рода ⁴⁾. Но по его же словамъ: «искусство не дожидается развитія науки; оно предупреждаетъ его въ своемъ развитіи; опережаетъ науку въ исходѣ; даетъ предчувствовать ее въ своихъ вдохновеніяхъ, а поую въ эпохи невѣжества и у большей части слабыхъ умовъ даже замѣняетъ ее» (науку) ⁵⁾.

Если таково отношеніе поэзіи къ общественнымъ явленіямъ и общественнымъ знаніямъ, то нельзя было бы достаточно удивиться тому, что правовыя идеи и правовыя явленія такъ слабо привлекаютъ вниманіе поэтовъ;

а когда сила вещей приводитъ поэта въ соприкосновеніе съ явленіями и идеями этой категоріи, то искусство рѣдко оказывается на высотѣ своей задачи.

Я не сомнѣваюсь, что причиной и критеріемъ здѣсь всякій разъ служитъ господствующая въ обществѣ оцѣнка права, степень сознательнаго отношенія общества къ правовой системѣ, въ сущности регулирующей его жизнь.

Въ Римѣ право входило въ повседневную жизнь, въ жизнь каждаго гражданина живымъ факторомъ.

Съ дѣтства маленькій римлянинъ твердилъ наизусть *carmen necessarium* — не болѣе и не менѣе, какъ законы XII таблицъ ⁶⁾.

Ритмическое сложеніе большей части этихъ законовъ, сжатость выраженій и рѣзкая очерченность мысли, въ нихъ заключенной, придавали этимъ законамъ поэтическую форму, благодаря которой законы могли быть заучиваемы дѣтьми, какъ въ наше время заучиваются дѣтьми стихотворенія. Далѣе, римлянинъ росъ и развивался въ атмосферѣ права. Участіе народа въ законодательствѣ и въ судѣ децемвиральномъ, центумвиральномъ и наконецъ въ качествѣ судей по избранію сторонъ (*judices et arbitri*), хотя бы въ качествѣ судей факта (*in judicio*), въ высшей степени содѣйствовало развитію юридическаго смысла. Независимо отъ того, что обученіе праву входило въ образованіе интеллигентнаго человѣка, для патріція и нобіля, какъ выражается Квинтъ

³⁾ Эстетическія отношенія, стр. 140.

⁴⁾ Искусство, стр. 37.

⁵⁾ Искусство, стр. 32—33.

⁶⁾ Ortolan. Histoire de la legislation romaine P. 1744 г. p. 78.

Муций, стыдно было не знать права ⁷⁾. Народъ прибрѣталъ правовое развитие на всякихъ сходбищахъ, на ярмаркахъ, на форумѣ, слушая судъ и внимая правовѣдамъ ⁷⁾. Знаніе права для римскаго гражданина дѣлали необходимымъ не только его личные интересы, но и сильно развитой духъ общест-венности, которому открывалъ путь самый законъ. Каждый римлянинъ могъ выступить съ *actio popularis* — общественнымъ искомъ въ защиту по-праваго права и не только такого, ко-торое служило прямо обществу, въ ко-торомъ каждый прямо заинтересованъ (напр. если кто либо застроить улицу или общественную дорогу), но и во-обще такого права, обладатель коего неспособенъ защищаться, или затруд-ненъ въ правовой защитѣ, — а правона-рушеніе между тѣмъ такое, которое оскорбляло нравы и общественное чув-ство правды, такъ напр. совершеніе обманной сдѣлки во вредъ несовер-шеннолѣтнему, злоупотребленія опеку-новъ, выжиманіе ростовщическихъ процентовъ ⁸⁾. Сильнымъ проводникомъ въ массу правовыхъ идей являлись юриспруденты.

Въ Римѣ путь къ общественнымъ почестямъ и общественной карьерѣ открывали военная храбрость, красно-рѣчіе и знаніе права. Нерѣдко одно лицо соединяло въ себѣ всѣ три ка-чества, но нерѣдко почетъ и вліяніе, прибрѣтенныя въ качествѣ юриспру-дента, вполне вознаграждали лицо,

⁷⁾ Jhering, Geist des römischen Rechts Ipz. 1854 2-т Th. 2 Abth. S. 435.

⁸⁾ Gibbon, Hist. de la decadence et de la chute de l'empire romain, франц. пер. Buchon'a P. 1841 T. 2 p. 172.

⁹⁾ Jhering, Kampf um's Recht, 7 Aufl. 8s. 53—54 Anm.

которому политическая карьера не да-лась. Отъ свѣдущаго въ правѣ лица требовали публичныхъ заключеній ма-гистраты, къ нимъ постоянно прибрѣ-галъ народъ; и, безкорыстно поучая праву, правовѣды, если онъ былъ че-столюбивъ, прибрѣталъ массу привер-женцевъ. Въ правовомъ совѣтѣ чело-вѣкъ, посвятившій себя изученію пра-ва, никому не отказывалъ — домъ его былъ постоянно открытъ для публики. Съ первыми часами утра у извѣстна-го правовѣда собирались массы наро-да, который смѣнялся цѣлый день; ему (правовѣду) не давали покоя да-же на одрѣ болѣзни; молодые люди присутствовали при консультаціяхъ, внимательно усваивая слова учителя. Правовѣды, благодаря практическому смыслу римлянъ, служили не только терапевтически, когда право наболѣло въ видѣ процесса, но и профилакти-чески, предупреждая процессы своимъ участіемъ во всѣхъ существенныхъ случаяхъ жизни; правовѣды становил-ся другомъ дома, съ которымъ совѣ-щались о всѣхъ жизненныхъ интере-сахъ, онъ игралъ роль духовника, отъ котораго ничего не скрывалось ¹⁰⁾.

Послѣ всего этого нечего удивлять-ся, что у римскихъ поэтовъ встрѣча-ется достаточно правовыхъ идей, о чемъ свидѣтельствуетъ книга Henriot: *Les poètes juristes ou remarques des poètes latins sur les lois, le droit criminel, la justice distributive et le barreau. 1858.*

У новыхъ народовъ отношеніе къ праву установилось другое. Измѣнив-шіяся условія общественной жизни отодвинули общество отъ непосред-

¹⁰⁾ Gibbon, указ. м. Jhering. Geist указ. м. § 41.

ственного участія въ развитіи и жизни права. Почти повсюду право являлось въ видѣ готовой системы, заимствованной извнѣ, чуждое массѣ и мало ей понятное. На мѣсто общедоступности права, которое въ Римѣ доставалось каждому, какъ воздухъ и свѣтъ, правосудіе и пользованіе правовыми познаніями стали дорого оплачиваться, судъ замкнулся въ камеры и вѣдалъ не людей, а бумаги. Въ западной Европѣ, на континентѣ, народъ никогда не въ состояніи былъ оцѣнить заслуги римскаго права и легистовъ въ борьбѣ королей съ феодализмомъ,—для народа юристы представлялись зломъ, съ которымъ надо было считаться, какъ со сборщиками податей и прочими чиновниками. Злоупотребленія лицъ переносились на самое дѣло. Общество уходило въ себя и знать не хотѣло officialнаго права, которое представляло для него вѣчто темное, неудобопонимаемое и годное только для каверзъ.

Отношеніе народа къ представителямъ права характерно выражалось въ поговоркахъ: *Juristen—böse Christen, Ju—rist halb Jud, halb Christ*. Русскія поговорки не отстаютъ въ этомъ направленіи: изъ множества поговорокъ, рисующихъ воззрѣнія народа на законъ, конечно сложившіяся подъ вліяніемъ бытовыхъ условій,—и приведемъ одну: законъ—что дышло:—куда поверотишь, туда и вышло.

Когда изящная литература созрѣла и сознала себя общественной силой, отношеніе ея къ сложившимся правовымъ порядкамъ и дѣятелямъ опредѣлилось, какъ отрицательное: искусство или игнорировало правовую жизнь, или выступало противъ нея съ бича-

ми сатиры и каррикатуры.

Услуги искусства съ этой послѣдней стороны неоцѣнимы; но самая природа дѣла требовала обращенія съ идеями, печальное непониманіе и неразвитіе по отношенію къ которымъ—поэты дѣлили съ обществомъ, изъ котораго вышли.

Говорятъ, что въ картинахъ Рафаэля имѣются погрѣшности противъ анатоміи; это, понятно, нисколько не роняетъ геніальности его работъ. Никто ни по картинамъ Рафаэля, ни по «Лекціи анатоміи» Рембранта не станетъ учиться анатоміи. Но слутанность правовыхъ понятій, ограниченность общественно-правовыхъ воззрѣній изъ произведеній поэта сообщаются воспитывающемуся на поэтическихъ произведеніяхъ обществу.

Съ другой стороны на сколько при такихъ условіяхъ можно ожидать, чтобы поэтъ относительно правовыхъ сторонъ жизни оказался мыслителемъ, создалъ произведеніе научное; чтобы силою его таланта или генія искусство опередило науку, дало ее предчувствовать въ своихъ вдохновеніяхъ?

Опредѣляя значеніе эстетическихъ произведеній съ этой стороны мы можемъ положить на одну чашку вѣсовъ едва ли не всю новоевропейскую литературу, а на другую Вильяма Шекспира—и смѣю думать, высоко подыметься первая чашка. ¹¹⁾

¹¹⁾ Я однако долженъ отмѣтить ту область, гдѣ поэтамъ несомнѣнно принадлежитъ великое общественное и научное значеніе, вытекающее изъ истинно художественнаго достоинства ихъ произведеній. Это сфера уголовного права, оперирующая сравнительно простыми понятіями; а психическій анализъ природы преступ-

II.

«Произведенія величайшаго міроваго драматурга», — говоритъ Колеръ въ своей книгѣ *Shakespeare vor dem Forum der Jurisprudenz* ¹¹⁾: — «сдѣлались предметомъ научнаго изслѣдованія въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.» Ботаники, зоологи, психіатры, врачи, юристы, философы, историки, филологи открываютъ въ немъ свои научныя области. «Прочтите *Троила и Кресида*» говоритъ Гервинусъ: «и спросите себя могло ли это возсозданіе гомеровскихъ героев съ *обратной* стороны удался въ такой степени кому-нибудѣ, какъ не такому знатоку древности, который постигъ въ корнѣ всю сущность, весь духъ древняго эпическаго поэта». ¹²⁾.

Чѣмъ создана такая широта и глубина міросозерцанія; какъ могъ Шекспиръ совмѣстить въ себѣ такую разносторонность знанія—это вопросъ психологій—какъ складывается геній среди болѣе или менѣе обыденной обстановки. Но въ частности вопросъ о томъ, какъ могъ Шекспиръ оказываться великимъ мыслителемъ—художникомъ въ кругѣ правовыхъ идей—мнѣ кажется, согласно общей мысли, которую я провѣлъ, разрѣшается очень понятно.

наго человека, составляющій тутъ важнейшую часть, является прямымъ дѣломъ поэта, которое лучше его, надо признать, ученый никогда не выполнялъ. Достаточно привести имена В. Гюго и Достоевскаго, чтобы напомнить, что можетъ сдѣлать искусство на этомъ поприщѣ.

¹¹⁾ Kohler Würzb. 1883 S. 2.

¹²⁾ Гервинусъ, Шекспиръ пер. Тимофеева. (Иб. 1872, стр. 121.

¹³⁾ Mezières, Shakespeare. Ses oeuvres et ses écritures. Ouvrage, couronné par l'Académie française, 3 ed. P. 1882 p. 173.

Въ виду споровъ объ идеѣ шекспировской пьесы, о сведеніи ея къ правовому содержанію—Мезьеръ утверждаетъ, что эта идея навязана Шекспиру заднимъ числомъ; что если бы Шекспиръ имѣлъ въ виду такую идею, то онъ выполнилъ бы дѣло юрисконсульта, а не драматическаго писателя. ¹³⁾. Но въ томъ то и дѣло, что Шекспиръ далъ *жизнь* идеѣ, какъ идеальный художникъ, согласно истиннымъ задачамъ искусства; закрѣпилъ ее образами, запечатлѣлъ ее въ душѣ зрителя, открылъ широкое теченіе мысли, отправляющееся отъ отмѣченнаго явленія. Способомъ экономіи и концентрованія нервной силы художникъ достигъ дѣйствія, какого никогда не произведетъ чисто разсудочный ученый трактатъ!

«Комичны иныя чудачки англичане, пишущіе цѣлыя книги... чтобы доказать, что Шекспиръ былъ отличный юристъ» говоритъ Шерръ. ¹⁴⁾.

Признаки знакомства съ положительнымъ законодательствомъ страны и даже съ *Corpus Juris* оми, точность языка въ пользованіи оригинальными техническими выраженіями англійскаго процесса и дѣловыхъ документовъ—подали поводъ предположить, что Шекспиръ нѣкоторое время практиковалъ правовую профессію или близко сошелся съ людьми этой профессіи. Rushton и Campbell написали поэту въ предмету цѣлыя изслѣдованія.

Намъ нѣтъ никакой надобности доискиваться въ Шекспирѣ профессіоналиста по праву. Одинъ изъ гениальнѣйшихъ писателей Франціи Бомарше, искусившійся въ губительныхъ судебныхъ

¹⁴⁾ Всеобщ. Истор. Лит. изд. Бакста. Иб. 1879 г. т. 2-й стр. 36.

нихъ намѣлетахъ, въ совершенствѣ изучившій юстицію стараго рѣжима, какъ видно изъ его «Memoires» — въ капитальномъ пунктѣ своей «Mariage de Figaro» навязалъ праву нелѣпость, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Наши русскіе лучшіе писатели въ прежнее время постоянно состояли въ государственной службѣ и имѣли обращеніе съ законами, и однако они ничегъ не внесли въ правовую область, а если обрабатывали правовую матерію, то результатами съ этой стороны нельзя похвалиться. Біографія Шекспира не даетъ никакого ключа: чему и кому онъ обязанъ сокровищами юридической мысли. Вступивши послѣ нѣскольکو бурной молодости въ спокойное русло зрѣлаго возраста, Шекспиръ является обыкновеннымъ буржуа, хорошимъ отцомъ семейства, стремящимся округлить свое состояніе и даже, говорятъ, довольно суровымъ кредиторомъ въ отношеніяхъ къ своимъ должникамъ.

Соображая содержаніе англійскаго университетскаго образованія, курсы Оксфорда и Кембриджа, изъ стѣнъ коихъ вышло столько великихъ государственныхъ людей, не разъ приходили въ недоумѣніе, что создаетъ въ Англіи великихъ мыслителей и общественныхъ дѣятелей. Отвѣтомъ служитъ то, что великіе англійскіе умы создаются общественными условіями, въ которыхъ движется англійская жизнь.

Самодѣтельность, широкое участіе въ общественныхъ дѣлахъ, митинги, общества, общедоступность и богатство образовательныхъ средствъ — все это служитъ лучшей школой для англійскаго ума.

Въ правовой сферѣ мы отмѣтимъ двѣ черты, напоминающія въ англійской жизни древній Римъ: это во 1-хъ начало частной инициативы, возможное только при сильномъ развитіи общественнаго духа — въ Англіи нѣтъ публичнаго министерства въ французскомъ смыслѣ слова, прокуратуры: ея дѣло выполняетъ само общество; во 2-хъ въ судѣ, который въ Англіи изъ покоя вѣка былъ гласный и публичный, общество принимаетъ непосредственное участіе: судъ присяжныхъ вѣдаетъ не только уголовныя, но и гражданскія дѣла.

Не надо распространяться о томъ, какой школой развитія правоваго смысла, какимъ сильнымъ проводникомъ правовыхъ идей въ обществѣ, какимъ источникомъ уваженія общества къ праву, какъ его собственному созданію, какъ нравственной силѣ, служащей общественному самосохраненію — является судъ присяжныхъ.

Не даромъ Игерингъ въ своемъ «Kampf um's Recht» указываетъ англичанина, какъ типъ личности, проникнутой сознаніемъ высокаго достоинства права, неспособной примириться съ недобросовѣстнымъ посягательствомъ на него, во чтобы ни обошлась защита своего права.

Конечно условія англійской жизни не создаютъ сами по себѣ Шекспировъ — всходъ есть результатъ зерна и почвы. Но какъ жизнь отражается на содержаніи поэтической мысли, это намъ выяснитъ другой великій поэтъ, вращавшійся въ другихъ общественно-юридическихъ условіяхъ. У Гете относительно права не нашлось другой характеристики, кромѣ той, которую онъ вкладываетъ въ уста

Мефистофеля въ отвѣтъ студенту, жалующемуся, что ему претитъ юриспруденція :

Я вамъ за то и не пеняю,
Затѣмъ, что сущность дѣла знаю.
Законы и права, мой другъ,
Наслѣдуются, какъ наслѣдственный не-
дугъ.

Край—краю, родъ другому роду
Передастъ ихъ цѣлкомъ,
Такъ—что все умное, полезное народу
Становится безмыслицей и зломъ.
О правѣ же, рожденномъ съ нами въ
свѣтѣ,

О немъ то и помину нѣтъ.

Не смотря на нѣкоторую неточность заимствованнаго мною перевода, мысль поэта совершенно ясна. Поэтъ указываетъ, что чужое право или устарѣлое право, какой бы разумный смыслъ оно не содержало для той жизни, ради которой создано, — при измѣнившихся условіяхъ можетъ оказаться, поэтъ выражается рѣзче—становится, безмыслицей и зломъ. Заключение содержитъ намекъ на школу естественнаго права. Развѣ передъ нами не въ очію правовая жизнь Гетевской Германіи?

II.

Изслѣдуя правовыя сокровища, имѣющіяся у Шекспира, мы бы долго не кончали *).

Остановимся на одномъ изъ его произведеній на «Шейлокѣ», который до сихъ поръ всего болѣе привлекъ вниманіе интересующихся этой стороной Шекспира.

Нѣтъ сомнѣнія, что правовое содержаніе «Шейлока» сразу бросается въ глаза по яркости красокъ, обрисовывающихъ это содержаніе, и интенсив-

*) Желających ближе ознакомиться съ дѣломъ мы отсылаемъ къ Колеру.

ности ихъ впечатлѣнія. Все предшествующее дѣйствіе подготавливаетъ судебную сцену 4-го акта, а послѣдующее разрѣшаетъ состояніе духа у зрителя, изъ этой сцены вынесенное.

Чистый эстетикъ Ретшеръ говоритъ: «Шейлокъ» имѣетъ очевидно своей душой діалектическій процессъ абстрактнаго права. Абстрактное право—это право буквы, не признающее жизни. Въ этомъ качествѣ оно является неправомъ, сталкивается съ буквой же, которою отрицается, и падаетъ въ законномъ интересѣ жизни.

Горькъ видитъ въ «Шейлокѣ» противоположеніе христіанской всепримиряющей любви—закону и праву ¹⁶⁾.

Ульрици считаетъ, что Шекспиръ своей комедіей воспроизвелъ бѣющимъ образомъ старый афоризмъ: *summum jus—summa injuria*:—полное осуществленіе права является полнѣйшею несправедливостію ¹⁷⁾.

Наконецъ Игерингъ утверждаетъ что «Шейлокъ» представляетъ собственную, сочиненную Шекспиромъ въ своихъ видахъ юриспруденцію, которая не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ правомъ, природу и достоинство котораго оскорбляетъ ¹⁸⁾.

Ни одно изъ этихъ опредѣленій я не считаю удовлетворительнымъ—и вотъ почему:

Діалектическій процессъ—потерялъ свой кредитъ и для нашего современнаго мышленія ничего не выражаетъ.

Никакого примиренія силою любви

¹⁵⁾ Abhandlungen zur Philosophie der Kunst B 1842 S. 102.

¹⁶⁾ и ¹⁷⁾ у Hebler'a. Shakespeare's Kaufmann von Venedig. Bern 1854 s. 15

¹⁸⁾ Kampf um's Recht S. 59 Anm. также Vorrede къ 7 e Aufl. s. XI.

въ «Шейлокъ» нѣтъ. Враждебныя стороны составляютъ Шейлокъ съ одной стороны и всѣ другіе персонажи съ другой стороны. Шейлокъ, исходящій изъ *своего* пониманія права, отнюдь не приведенъ къ примиренію. Онъ побѣжденъ на почвѣ права; а понудительное обращеніе его къ христіанству, хотя такія вещи практиковались, но оно не имѣетъ ничего общаго съ религіей.

Summum jus—summa injuria злой пакивилъ противъ самой природы права. Логически оно сводится къ тому, что всякое право является зломъ большимъ или меньшимъ. Шейлокъ не потому злодѣй, что онъ слишкомъ правъ, а потому, что подъ видомъ удовлетворенія своего права стремился къ злу, стоящему внѣ права. Наши учителя говорятъ, что *jus est ars boni et aequi*—право учить добру и справедливости. Именно искусство Порціи въ примѣненіи *права*, въ раскрытіи его истиннаго содержанія привело къ добру и справедливости.

Съ Игерингомъ надо поговорить обстоятельнѣе.

Внимательное изученіе Шейлока открываетъ въ немъ три ряда правовыхъ идей:

а) идеи, относящіяся къ договорному праву,

б) идеи относительно силы закона и в) идеи, касающіяся семейной власти.

Игерингъ въ своемъ *Kampf um's Recht* по занимающему насъ предмету выражаетъ слѣдующее: юристъ, подвергнувши критикѣ приговоръ по дѣлу Шейлока съ Антоніо, не можетъ не сказать: договоръ, по которому Шейлокъ выговорилъ себѣ право вы-

рѣзать изъ тѣла должника фунтъ мяса на случай, если должникъ въ срокъ не уплатитъ долга—такой договоръ не дѣйствителенъ, потому что онъ безнравственный; судья поэтому долженъ былъ отказать въ искѣ. Но если судья этого не сдѣлалъ, если онъ призналъ договоръ дѣйствительнымъ, то запретить человѣку, за которымъ только что признано право вырѣзать изъ тѣла живаго человѣка фунтъ мяса—запретить ему пролитіе крови, неизбежно связанное съ осуществленіемъ присужденнаго права—это никуда негодный изворотъ и крючкотворство. На такомъ основаніи судъ, признавши за кѣмъ либо право прохода по чужой землѣ, могъ бы запретить этому лицу оставлять слѣды по дорогѣ, потому что при установленіи права прохода не было выговорено право оставлять слѣды.

Въ предисловіи къ 7-му изданію своего *Kampf'a*. Игерингъ, защищаясь противъ нападеній, указываетъ процессуальную неправильность приговора: уже послѣ постановленія рѣшенія, коимъ право вырѣзать фунтъ мяса признано,—судъ обезсиливаетъ свое собственное рѣшеніе, устанавливая невозможность исполненія.

Упрекъ, сдѣланный Шекспиру, съ точки зрѣнія того, что мы въ немъ ищемъ, чрезвычайно важный. Шекспиръ построилъ все свое произведеніе на ложномъ основаніи, на договорѣ для юриста явно и безусловно недѣйствительномъ, изъ за котораго незачѣмъ было подвергать и дѣйствующимъ въ пьесѣ и зрителей мучительному чувству, захватывающему духъ?

Но на этомъ пунктѣ Игерингъ нашимъ современнымъ правовымъ воз-

зрѣніямъ далъ *обратную силу*—это доказалъ Колеръ самымъ блестящимъ образомъ.

Вся обстановка, въ которой рисуется дѣйствіе Шекспиръ, переноситъ насъ въ относительно варварскую эпоху: въ этомъ убѣждаютъ характеры, положенія и уровень нравственныхъ воззрѣній дѣйствующихъ: кровавость Шейлока, искатели интересной невѣсты—женихи Порцій, равно какъ родъ испытанія, чрезъ которое имъ пройти слѣдуетъ; наконецъ, осужденіе Шейлока принять религію его враговъ.

Остается рѣшить, возможенъ ли юридически въ такую эпоху договоръ, по коему должникъ подвергаетъ себя праву кредитора вырѣзать у него въ случаѣ неустойки фунтъ мяса.

Древнія законодательства, равно право дѣйствующее у некультурныхъ народовъ, которые представляютъ собою раннія стадіи нашего собственнаго общественнаго развитія, и даже средневѣковыя законодательства—все это очень сурово къ несостоятельнымъ должникамъ. Смертная казнь за неплатежъ долговъ, выдача кредиторамъ на смерть, увѣчье, истязаніе, или на рабство, изгнаніе, лишеніе свободы, чести и послѣдняго имущества *) составляютъ послѣдовательныя смѣны въ развитіи долговаго законодатель-

*) Въ итальянскихъ городахъ должникъ, желающій освободить себя отъ долговъ уступкой всего имущества кредиторамъ, былъ выводимъ на площадь къ извѣстному камню, гдѣ долженъ былъ всенародно раздѣться, знаменуя этимъ, что оставляетъ кредиторамъ все до послѣдней нитки; затѣмъ онъ клѣмился. Въ Авиньонѣ полунугого должника прогоняли ударами черезъ весь городъ.

ства. Церковь грозила должнику вѣчною гибелью. Таеъ какъ церковь считала исполненіе договоровъ долгомъ совѣсти, то рано вошло въ обычай у епископовъ исключать изъ церковнаго общенія неплательщиковъ; репрессіей же служило лишеніе церковнаго погребенія несостоятельнаго до уплаты его долговъ. ¹⁹⁾

Ходъ этого развитія законодательствъ сопровождается слѣдующее явленіе: по мѣрѣ смягченія законовъ, суровость долговаго права восполняется договоромъ: кредиторъ, имѣя въ виду относительную мягкость закона, выговариваетъ себѣ право на жизнь, или право на сокрушеніе тѣлесной цѣлости должника, на порабощеніе его или ограниченіе его свободы, даже права труда. ²⁰⁾

Для насъ интересны цитируемые Колеромъ акты 13-го столѣтія: въ одномъ контрагентъ обѣщаетъ дать отрубить себѣ голову въ случаѣ нарушенія договора; но и другіе акты содержатъ подобное же обезпеченіе жизнью. Въ некоторыхъ договорахъ должникъ подвергаетъ себя тѣломъ и имуществомъ неограниченной волѣ кредитора въ случаѣ неисполненія договора (акты 15-го и 16-го вѣка); имѣются акты, устанавливающіе лишеніе членовъ тѣла въ такихъ же случаяхъ. Еще чаще акты, въ которыхъ закладывается княжеская, рыцарская или женская честь; присоединяются обязательства подвергнуться оскорбительному обращенію; предоставляется кредитору позорить должника и его наслѣдниковъ; прибавить оскорбительныя для нихъ изо-

¹⁹⁾ Цит. с. стр. 8, 12, 15—35, 41—52

²⁰⁾ Цит. с. стр. 53-я и 65-я.

браженія, гдѣ кредитору будетъ угодно; и шивать должнику оскорбительныя надписи; распространять о немъ безчестія сочиненія. ²¹⁾

Много времени прошло, пока законъ воспретилъ все это—нынѣ возмущающее наше нравственное чувство; и сдѣлавъ это законъ мало по малу, сначала стѣснивъ заключеніе такихъ договоровъ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, потомъ представивъ суду смягчать участь должниковъ.

Такимъ образомъ поэтъ имѣлъ полное право перенести дѣйствіе въ такую историческую эпоху, когда неустоявшій должникъ отвѣчалъ тѣломъ или шкурой—*qui non habet in aere, luat in cute*. ²²⁾

Здѣсь я думаю умѣстно сопоставить съ Шейлокомъ классическое произведение Бомарше «Свадьба Фигаро». Последнее дѣйствительно связано съ юридической несообразностью. На сцену выведенъ дореволюціонный судъ. Одинъ судья преслѣдуетъ гаденькіе виды; другой, купившій свое мѣсто—глупецъ и заика, секретарь взяточникъ; изобличается адвокатура съ ея дурными приемами. Все это очевидно памфлетъ на дѣйствительность. И этому суду навязывается рѣшеніе въ пользу истицы по договору, по коему Фигаро, занимая деньги у Марселины, обязался въ видѣ неустойки жениться на ней. Между тѣмъ идея о дѣйствительности такого договора очевидно совершенно несовмѣстима съ правомымъ состояніемъ эпохи, къ которой памфлетно отнесено дѣйствіе.

Устранивъ первое возраженіе Иге-

²²⁾ Цит. соч. 68

²¹⁾ Цит. соч. 61—63.

ринга, ^{**)} прослѣдимъ далѣе процессъ Шейлока и Антоніо.

Вступая въ судейскую функцію Порція предлагаетъ Шейлоку примиреніе, что по отношеніямъ сторонъ выражается въ призывѣ Шейлока къ милосердію.

Я не стану читать хорошо знакомыя каждому божественныя слова Порціи о милосердіи, полныя чарующей музыки; но тѣмъ, кто знаетъ исходъ процесса, можетъ показаться страннымъ призывъ Шейлока къ милосердію?

Въ этомъ открывается величайшій актъ гуманности, которая всегда должна сопровождать священнодѣйствіе судьи въ божественномъ дѣлѣ отиравленія правосудія. Милосердіе нужно было не для Антоніо, а для самаго Шейлока; его жегѣзная рѣшимость, доведенная до конца, выполнила все его злое дѣло, на сколько это отъ него зависѣло, и довело его до рокового конца; милосердіе, имъ же во время оказанное, могло спасти его самаго.

А когда все усилія въ этомъ направленіи оказались тщетными, тогда начинается судотвореніе.

Такъ мяса фунтъ изъ тѣла

Сего купца тебѣ принадлежить.

Законъ его даетъ—судъ присуждастъ.

.....

И этотъ фунтъ

Ты вырѣзать обязанъ *близко къ сердцу*.

Такъ судъ рѣшилъ, такъ говоритъ законъ.

.....

Нѣтъ, погоди: еще не все. По этой

^{**)} На процессуальномъ упрекѣ, какъ очевидной придиркѣ, п. ч. Порція не закрывала засѣданія, пока всего нужного не высказала—останавливаться конечно нечего.

²⁴⁾ DESSAU 1881, ss 22-23.

не успѣетъ отвѣтить развитію права — тамъ это дѣлаетъ правовая практика, часто совершенно безсознательно, но все таки она это дѣлаетъ. Никакая практика — самая ученая и абстрактная — не можетъ освободиться отъ народнаго правосознанія. Правовое чувство безсознательно руководить судьей; онъ приведетъ самые худшіе мотивы, которые никого не убѣдятъ, но постановитъ при вильное рѣшеніе. — Въ дѣлѣ Шейлока съ Антоніо общество переросло этическое развитіе закона. Дожь, сенатъ, общественное мнѣніе чувствовали возмутительную неправоту иска Шейлока, но въ нихъ чрезъ архаическую кору закона не могло пробиться назрѣвшее правовое воззрѣніе — пробиться помогла ему женщина. Не важно, что мудрый Даніилъ дурно мотивировалъ свое рѣшеніе, а важно, что это единственное рѣшеніе, отвѣчавшее созрѣвшему народному правосознанію ²⁵⁾,

Такая постановка вопроса, выведеннаго изъ великаго произведенія поэта, приводитъ насъ къ чрезвычайно важному въ правѣ ученію объ отношеніи судьи къ закону.

У насъ есть работа по этому предмету, полная интереса и выдающаяся по смѣлости выводовъ — профессора, нынѣ присяжнаго повѣреннаго, С. А. Муромцева: «Судъ и законъ въ гражданскомъ правѣ». Вотъ въ сжатой формѣ его выводы:

Ученіе о примѣненіи закона къ отдѣльнымъ случаямъ построено на принципѣ *пассивнаго* отношенія судей къ закону.

Въ періодъ, когда законъ начинаетъ

играть роль, образующую гражданское право, дѣятельность законодательства вовсе не подавляетъ активной дѣятельности суда. Должно утверждать, какъ несомнѣнное историческое положеніе, что законъ самъ по себѣ вовсе не противенъ такой дѣятельности.

Активное положеніе суда никогда не прекращалось совершенно: а) судья не избѣжитъ современнаго словоупотребленія и так. обр. растолкуетъ законъ прежде всего съ современной точки зрѣнія; б) при устраненіи противорѣчій и пробѣловъ закона судья не открываетъ скрытой мысли законодателя; вѣрнѣе: онъ додумываетъ то, чего законодатель не продумалъ; в) не существуетъ опредѣленныхъ правилъ, при какихъ условіяхъ надо слѣдовать закону, обычаю или праву юристовъ, — судья въ сущности выбираетъ чему слѣдовать по своимъ соображеніямъ о правомѣрномъ и справедливомъ. Все вмѣстѣ объясняетъ — почему въ судебной практикѣ всѣхъ просвѣщенныхъ странъ замѣчаемъ постоянную тенденцію *измѣнять законъ въ духѣ его усовершенствованія*.

Самодѣятельность суда, его активное, но не пассивное положеніе передъ лицомъ закона, составляетъ *нормальную форму* его дѣятельности. Судья долженъ имѣть возможность индивидуализировать юридическую норму въ примѣненіи къ данному казусу, что приблизить его къ тому типу, главнымъ представителемъ котораго является судъ присяжныхъ. ²⁶⁾

При всей серьезности мысли С. А. Муромцева противъ нея во всеоружіи все-таки стоитъ идея, всего рельефнѣе

²⁵⁾ Цит. соч. стр. 83—90.

²⁶⁾ «Юр. Вѣстн.» 1880 г. ноябрь, стр. 386 и слѣдующ.

выраженная Игерингомъ въ Zweck'ѣ: «важнѣйшую общественную гарантію представляетъ то, что судья долженъ слѣдовать *исключительно* закону, онъ долженъ быть живымъ олицетвореніемъ закона ²⁷⁾».

Какъ выйти изъ этого круга?

Я заимствую рѣшеніе вопроса изъ круга аналогичныхъ явленій.

Колеръ уясняетъ, что процессъ совершенствованія права совершается фатально; судья вноситъ это усовершенствованіе въ свои рѣшенія безсознательно, примѣняя старый законъ въ духѣ просвѣтленнаго народнаго правосознанія. Это подтверждаетъ и С. А. Муромцевъ.

Человѣческими дѣйствіями управляютъ въ человѣческомъ тѣлѣ дваряда процессовъ: процессъ сознательно-волевой и процессъ—рефлекторный. Дарвинъ указываетъ, что правильный ходъ рефлекторнаго процесса безусловно нарушается вмѣшательствомъ воли и сознанія. Примѣръ, который я заимствую у Дарвина, не долженъ вамъ показаться банальнымъ, п. ч. онъ вполне научный. Чиханье—процессъ рефлекторный. Смѣло держите пари съ пріятелемъ, что онъ не чихнетъ, если вы этого не пожелаете; чѣмъ болѣе онъ будетъ стремиться чихнуть, нюхая табакъ, тѣмъ менѣе это ему удастся ²⁸⁾.

Процессъ совершенствованія права судебной практикой—процессъ рефлекторный, и судья не долженъ вносить въ него свое сознательно-критическое отношеніе къ закону.

²⁷⁾ Der Zweck im Recht, 1-r B. Lpz. 1877. ss 383 и 377.

²⁸⁾ О выраженіи ощущеній, пер. Ковалевскаго. Спб. 1872, стр. 31.

Шекспиръ безусловно за законъ.

Когда Бассаніо умоляетъ Порцію

—неправду совершить

Малѣйшую—изъ за великой правды.

Порція отвѣчаетъ:

Нѣтъ, такъ нельзя. Уставленный законъ

Перемѣнить нельзя ничѣю властью *).

Сопоставимъ съ Шекспиромъ другихъ поэтовъ: вспомнимъ у Мольера развязку Тартюфа, вспомнимъ у Гюгеля администратора, горячо желающаго общее благо, но который безъ суда караетъ и милуетъ Чичикова, не смотря на всѣ его преступленія.

Колеръ все таки считаетъ, что мудрый Даниилъ неправильно мотивировалъ рѣшеніе.

Я думаю, что эти мотивы можно оцѣнить съ двухъ сторонъ.

Во первыхъ съ антропологической: мы видѣли, что въ развитіи долговаго законодательства возможенъ моментъ, когда законъ запрещаетъ обезпечивать сдѣлку жизнью, но не охраняетъ еще противъ кредитора тѣлесной цѣлости должника.

Если дѣйствіе Шейлока отнести къ такому моменту—то задачей Порціи на судѣ было выяснить, что сдѣлка Шейлока съ Антоніо въ сущности направлена противъ жизни должника. Шейлоку присуждается вырѣзать кусокъ мяса *близко къ сердцу*, а тутъ всякое пораненіе, всякое пролитіе крови смертельно. Если Шейлокъ не имѣлъ права причинить смерть Антоніо, то не долженъ былъ осуществлять своего права такъ, чтобы осуществленіе причинило смерть.

Но для насъ гораздо важнѣе оцѣни-

*) Понятно, что Шекспиръ стоитъ за разумъ закона, не за букву, въ которой надо раскрыть разумъ.

ка приговора съ точки зрѣнія логики правовыхъ принциповъ

Во всякомъ юридическомъ быту могутъ оказаться права, не имѣющія по жизненнымъ условіямъ исполнительнаго содержанія **).

Признаніе же рѣшающей властью извѣстнаго права и ограниченіе его въ исполненіи, когда исполненіе привело бы къ вопиющей несправедливости, знаменуетъ моменты величайшаго прогресса. Таковы слова величайшаго міроваго Учителя: кто изъ васъ безъ грѣшенъ, пусть броситъ въ нее первый камень. (Еванг. отъ Іоанна, гл. 8-я). Приговоръ Порціи вовсе не отрицаетъ общаго положенія о томъ, что кому принадлежитъ право, тому должно быть предоставлено и необходимое средство—осуществить право. Дѣло шло о юридической осуществимости такого исполненія, какого добивался Шейлокъ и которое грозило должнику смерти.

Въ нашемъ современномъ правѣ съ каждымъ днемъ укореняется принципъ, по которому право кредитора на удовлетвореніе имуществомъ должника ограничивается, чтобы не довести должника до послѣдней крайности ²⁹⁾. При коллизіи имущественнаго блага кредитора съ благами, служащими

**) Такъ сенатъ призналъ, что судъ долженъ признать жену обязаною жить съ мужемъ и слѣдовать за нимъ, не стѣсняясь вопросомъ объ исполнимости рѣшенія. Сюда же отчасти относятся права женъ на содержаніе отъ мужей. Въ римскомъ правѣ таковы были отношенія бѣнитарнаго и цивильнаго собственниковъ; таково было положеніе, которое создавалъ процессъ въ случаяхъ экценцій *rei venditae et traditae*.

²⁹⁾ Ст. ст. 973 и 974 уст. гр. суд.

жизненному существованію должника отдается предпочтеніе послѣднимъ.

Вообще же на виду вопросъ, не подлежитъ ли провѣркѣ и сведенію къ извѣстнымъ границамъ и извѣстному содержанію эгоистическое правило, унаслѣдованное нами отъ Рима: *qui jure suo utitur nemini facit injuriam*—кто пользуется своимъ правомъ, тотъ никого не обижаетъ?

Если твореніе Шекспира наводитъ на такія мысли, то когда же съ большимъ правомъ можно сказать: что здѣсь искусство опередило науку и дало предчувствовать ее въ своемъ вдохновеніи?

Вопросъ о родительской власти такъ же намѣченъ въ Шейлокѣ—это касается Порціи и Джесики въ пунктѣ весьма чувствительномъ, относительно права располагать собою, права вступать въ бракъ по собственному выбору и влеченію.

Порція жалуется на то, что воля живой дочери должна склоняться передъ волею умершаго отца, придумавшаго разыграть такую дочь, какъ Порція, въ лоттерей. Порція прозрачно намекаетъ на то, что существуетъ предѣлъ ея покорности. Джесика завоевала, вѣрнѣе украдала свое счастье; а что если бы ее по современнымъ законамъ подвергли суду за вступленіе въ бракъ безъ согласія родителя?³⁰⁾

Я долженъ закончить нашу бесѣду, отмѣтивъ одно симпатичное явленіе.

Въ предшествовавшемъ годичномъ собраніи Одесскаго Юридическаго Общества я имѣлъ честь читать «о женщинѣ, какъ продуктивномъ дѣятелѣ»

³⁰⁾ Ст. 1566 улож. о наказ.

въ сферѣ права» — теперь я имѣю возможность отмѣтить произведеніе въ области искусства, развивающее общественно-правовую идею, принадлежащее женщинѣ — г-жѣ Домашевской. «Въ разладѣ съ жизнью» (сцены изъ провинціальной жизни) трагизмомъ положенія хорошей женской натуры ярко окрашивается фальшь въ современныхъ правовыхъ отношеніяхъ супруговъ, построенныхъ на началѣ *власти мужа надъ личностью* жены.

Избѣгая брачныхъ узъ съ деспотомъ, котораго женщина, какъ ей казалось, любила, и доверившись другому, обѣщавшему не пользоваться своею властью, женщина попадаетъ въ западню, изъ которой одинъ исходъ — позоръ. Такимъ образомъ затронуты два пункта: начало власти мужа надъ

личностью жены и наболѣвшій вопросъ о разводѣ.

Я могу повторить здѣсь свою мысль, которую по подобному случаю высказалъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ книгѣ Легуве «Женскій вопросъ»: начало власти мужа надъ личностью жены несогласно съ высокой нравственной идеей брака, потому что придаетъ ему значеніе акта, порабощающаго личность; въ виду такого закона замужество для женщины можетъ представляться отчужденіемъ части ея свободы — что затруднительно совмѣстить съ понятіемъ о нравственномъ актѣ. Кому же это лучше чувствовать, какъ не женщинамъ? — Пусть же онѣ прійдутъ къ намъ на помощь въ наукѣ и въ искусствѣ!

М. Оксѣ.